

**Исаев А. Заметки о немецких колониях в России (на Юге).
Русская мысль. 1894 г. Декабрь. М Типолитогрфия Т-ва И.Н. Кушнерев и
К. 1894 г.**

Выдержки про колонию Кронсгартен и выводы автора о колонистах.

Пребывание в Екатеринославе дало мне случай ознакомиться с некоторыми немецкими колониями этого края. Вблизи губернского города лежат четыре колонии: Иозефсталь, Кронсгартен, Рыбальск, Биллерсфельд. Первые три основаны еще в конце прошлого столетия, а четвертая основана около 1860 года выходцами из Иозефсталя и Рыбальска. Колонисты этих селений получили землю в надел на общих льготных основаниях, которые были установлены для колонистов. В Кронсгартене, который имеет теперь 15 дворов, колонисты получили по 65 десятин, а в остальных трех—по 32 ½. Позднее колонисты увеличили свой надел прикупною землей от соседних помещиков—в Кронсгартене на 21 десятину. Колонисты стараются передавать землю нераздельно одному сыну, а для остальных приобретают участки на стороне. Для выполнения этого плана колонисты сберегают деньги и затрачивают их на покупку для выделяемых сыновей земли и инвентаря. Если сбережения отца недостаточны для покупки земли, то выделяемые сыновья арендуют участки по 20—30 десятин на 9—12 лет, обстраивают их, обзаводятся скотом и орудиями с помощью средств, полученных из дома. Некогорые выходцы из этих колоний образовали самостоятельные поселения близъ станции Синельниково, лозово-севастопольской дороги.

Меннонитская колония Кронсгартенъ поставлена в самыя благоприятные условия относительно наделения землею своих членов. Здесь наделение не связано с трудностями. Кронсгартен входит в состав сети колоний при Хортице, Екатеринославского уезда. Они имеют 3,000 дес. общей, так называемой овчарной, земли. Эти земли сдавались прежде в аренду под выпас овец; теперь они обратились в пашни, сдаваемые в наем по 8 руб. за десятину. Доход от этих угодий служит для выдачи ссуд меннонитам, которые нуждаются в покупке земли. Ссуды разсрочиваются на 15 лет и оплачиваются 6% годовых. Вотъ почему в Кронсгартене нет ни безземельных, ни малоземельных; благодаря этому способу, всем членам, выделившимся из семей, удалось приобрести землю.

В полях возделывается пшеница (преимущественно яровая), рожь, ячмень, овес, картофель, кукуруза. Пшеница образуетъ центральную точку всего хозяйства,—она поступает на рынок; остальные хлеба употребляются, главным образомъ, дома. Так как озимей почти не сеют, то в колониях, имеющих обширные выгоны, в культуре хлебов допускается значительное разнообразие: нетъ надобности пускать скот на толоку и разница во времени созревания хлебовъ не причиняет неудобств. Земля вообще не отдыхает и черного пара нетъ. Но многие поговариваютъ о необходимости завести его. Средний урожай пшеницы и ржи определяется для колоний в сам 3 ½ до 4. Не удобряя земли, колонисты пашут иногда лишній раз, чтобы поддержать плодородие почвы. На участках, которые обнаруживают понижение урожайности, сеютъ картофель, кормовую кукурузу, разрыхляющие почву. Навозное удобрение применяется мало. Это зависит, главным образом, отътого, что у каждаго хозяина не меньше ½ навоза идетъ на отопление в виде кизяка, и полнонадельные имеют возможность хорошо удобрить только 1—1 ¾ десятины в год. Почва, однако, так благодарна, что удобрение в

количестве 3,600 п. на десятину дает о себе знать и чрез 10 лет. Колонистам, за редкими исключениями, незнакомо не только искусственное удобрение, но даже удобрительные свойства золы: она вываливается в ближайшие речки и пруды. Близость Екатеринослава, отдаленного от многих колоний только на 15—20 верст, делает выгодным занятие огородническими; возделывание огурцов и капусты доставляет некоторым колонистам хорошие деньги. Садоводство развито очень мало.

Каждый полнонадельный колонист держит одного годового работника и одну годовую работницу. Двух и трех-надельные колонисты имеют по 4—6 годовых рабочих обоого пола. Годовые работники получают на хозяйских харчах по 80—90 р., а работницы по 60—65 р. Берут работников преимущественно из русских. Относительно трезвости русских рабочих многие сделали такое наблюдение: рабочие из южных губерний, вообще, достаточно трезвы, а приходящие из северных черноземных губерний нередко отличаются склонностью к пьянству. Поденные рабочие, нанимаемые при уборке сена и хлеба по 80 к. и 1 ½ рубля в день на хозяйских харчах, обыкновенно легко выкашивают по ½ десятины травы или 1 десятине хлебов в день, а хорошие выкашивают ¾ десятины луга. Колонисты говорят, что рабочие, приходящие с севера, нарушают договор, бросают работу и уходят, если их дурно кормят. Раз же кормят их хорошо, то не бывает случаев ухода. У колонистов поденные рабочие получают также же харчи, какие едят хозяева.

С конца 70-х годов машины получили большое распространение во всем этом районе. Все полно надельные хозяева имеют ручные или конные молотилки; немногие имеют жнейки, продающиеся здесь по 150—200 р., более мелкие колонисты молотят катками и убирают хлеб ручным способом. Уборка лугов производится во всех хозяйствах косами. Плуги почти повсюду заменены букэрами, что увеличивает успешность труда в 3 раза: при 4 хороших лошадях букэром выпахивают 3 десятины, тогда как плугом—только одну. Хозяева, имеющие до 40 десятин посева, считают безусловно необходимым иметь букэр, жатвенную машину и молотилку.

Колонии Екатеринославской губернии, виденные мною, также производят впечатление благосостояния.

Иозефсталь, Кронсгартен, Рыбальск и Биллерсфельд имеют очень хорошие училищные помещения и сравнительно щедро оплачивают учителей. В Кронсгартене учитель получает 450 руб. в год и не занимает другой должности. Кронсгартен и Биллерсфельд отличаются зажиточностью. Русский язык, как предмет обязательного обучения, введен в этих школах только 3 года тому назад.

Высоко ли умственное развитие колонистов? Большая часть немцев, с которыми мне приходилось беседовать, люди толковые, смышленные. Колонисты трезвы и отличаются строгою семейною жизнью. В особенности следует сказать это о колонии Кронсгартен, имеющей все отличительные свойства меннонитских поселений; известно, как строго относятся меннониты к пьянству, лжи, воровству, прелюбодеянию. Строгость общественного мнения поддерживает нравы на известной высоте.

Я не заметил, чтобы немецкие колонии оказывали большое влияние на русских. Употребление машин—вот та область, в которой несомненно сказалось влияние первых. Немцы стали употреблять машины на 5—6 лет раньше, нежели русские. В настоящее же время и русские крестьяне, имеющие значительные куски земли, пользуются машинами. В общем уровень умственного развития немцев немного выше, чем крестьянского населения, и только меннониты значительно превышают русских крестьян по умственному развитию. Взаимное влияние немцев и русских обнаружилось бы гораздо более резко, если бы обе национальности сближались посредством браков. Однако, браки между немцами и русскими заключаются редко. Факты редких браков между колонистами и русскими многие немцы объясняли мне следующим образом: «жене и мужу следует быть одной веры». Однако, гораздо чаще колонисты объясняют это тем, что колонии многолюдны, что «каждому жениху можно выбрать невесту из многих девок, а девке жениха из многих хлопцев».

Посещая колони, я живо припоминал жалобы, которые сыпались на колонистов за

последние годы. Жалобы припоминались особенно часто потому, что екатеринославское дворянство и земство громко сетовали на вред, которым угрожает югу России распространение немецкого землевладения.

Екатеринославское губернское земское собрание обсуждало этот вопрос в 1891 г. и екатеринославское дворянство в 1893 г. На дворянском собрании из 104 дворян 77 высказались за то, чтобы ходатайствовать перед правительством о принятии мер, способных остановить дальнейшее сосредоточение земли в руках немцев.

Ходатайство это мотивировано тем, что немецкое землевладение, увеличиваясь безостановочно, достигло в Екатеринославской губернии 550,000 десятин. Помещичьи хозяйства находятся, по мнению автора этого ходатайства, в «правильном экономическом отношении к крестьянскому, как крупная собственность к мелкой, взаимно друг друга восполняя». Немецкие же земли, становясь на место первых, нарушают эту гармонию; они угнетают население и, «не встречая преград в своем расширении, могут привести сельскую жизнь в самое нежелательное состояни», Немцы сами обрабатывают свои земли, как бы они ни были обширны; они не выпускают их из своих рук, и крестьянин не имеет возможности в тех местностях, где водворились немцы, не только купить землю, но даже арендовать ее. Таким образом, земля уходит из рук тех, кому она особенно нужна. К этому присоединяется уверение многих екатеринославских сельских хозяев, что колонисты вовсе не способствуют серьезным земледельческим улучшениям.

«Оппоненты наши, соблазняясь видом внешнего благоустройства колоний, придают, обыкновенно, чрезмерное значение немецкой культуре, полагая, что это есть образец прогресса для нашего мужика, но живущие в губернии хозяева знают, что там, где наши мужики работали плугом, там, под влиянием немецких хозяйств, они его бросили и работают скоропашкой, немецким букарем, разрыхляющим землю на какой-нибудь вершок; под тем же влиянием они стали распахивать землю из края в край, до последнего оврага, до края запруды, не дорожа ни лугом, ни водой, ни кормом; отсюда идет создание благоприятных условий для весенних засух с буранами пыли, отсюда же и эпизоотия по вечному недостатку кормов в губернии. Но если наш народ и сделал, допустим, кое-какие позаимствования, вроде фургона, плохой упряжки и т. д., то какую же ценой покупал он эту культуру? Ценой без прекословной уступки земель, нужных все увеличивающемуся населению. (статья Екатеринославского помещика в Московских Ведомостях, 1893 г., № 89)

К чисто-экономическим соображениям присоединяются и политические расчеты. Немцы, по мнению многих екатеринославских дворян люди ненадежные; будучи русскими подданными, они враждебны всему русскому и не могут забыть о своем германском отечестве; они стойко хранят свою народность, обычаи, живут замкнуто. Нет оснований рассчитывать на возможность обрусения колонистов. Они тем более опасны, что колонисты многими условиями своего быта подкупают администрацию. Вот что мы читаем в статье того же автора:

«Привыкнув к строгой дисциплине ведавших их приказов и комитетов, оплачивая значительными окладами служебный персонал, отличаясь, поэтому, порядком в общественном управлении, исполнительностью в требованиях, колонии подкупают в свою пользу всякие административные начальства, задача которых была бы облегчена, еслиб и все остальное население обладало теми же качествами; но люди местные знают, что в этом сказывается лишь такт, известная политика населения, лучше петербургской прессы понимающего, что оно не может быть отождествляемо с коренным населением и что только этою политикой, этими условиями, оно может купить и поддержать в чужой стране дарованные ему права и привилегии; к этой же черте относим мы и появившееся наднях известие о ходатайстве по переименованию колоний в русские наименования. Ведь, несравненно удобнее, если какой-нибудь Нейгохсфельд станет называться Крутогоровкой: это никому уха резать не будет; людям же местным кажется странным, когда говорят, что это такие же подданны, как другие, как мы, русские».

К этому присоединяется соображение и о том, что немцы, совращая многих в штундизм,

являются опасными врагами православной церкви.

Выдвигая такие аргументы против немцев-колонистов, екатеринославские дворяне усматривали в своем ходатайстве акт не только политической мудрости, но и самопожертвования. Последнее доказывалось смелостью, с которой они готовы были отнестись к вероятному понижению земельных цен, если бы успех ходатайства, ограничив права немцев по приобретению земли, уменьшил число покупателей и ослабил спрос на земельные участки.

Где истина в этом ходатайстве и что в нем ложно?

Екатеринославские дворяне правы, утверждая, что немецкое землевладение захватывает все больший район: в Екатеринославском, Павлоградском, Новомосковском, Александровском уездах немцы владеют 30—15 процентами всей площади земли и каждый год несколько имений переходит в руки немцев. Несомненно, также и то, что цены земли повысились за последние годы в большой пропорции. Мы не ошибемся, если скажем, что в течение последних 15 лет ценность земли увеличилась в 2—2 ½ раза.

Однако, нет основания признавать в покупке земли только немцами условие, которое вредно влияет на крестьянское хозяйство. Крестьянское хозяйство наиболее выигрывает в тех случаях, когда земля дешева и крестьяне могут приобрести ее в собственность. В Сибири и восточных губерниях Европейской России, где крестьяне получают большой надел, они устраиваются и достигают благосостояния, если удастся пережить первые годы без неурожая или другой большой беды, потрясающей хозяйство. Когда земля дорога и крестьянин не может приобрести ее в собственность, то ему отрезан путь к благосостоянию. Владеет ли землей помещик, связанный с местностью уже несколько поколений, приобрел ли землю русский кулак, немец-капиталист или немецкий колонист,— крестьянин отрезан от земли и может пользоваться ею только как арендатор, за высокую арендную плату. При нападках на колонистов забывают о том, что наш юг и в частности черноземные губернии были поставлены за последние 10—15 лет в условия, которые должны были поднять покупную цену земли до очень высокого уровня. Проведение железных дорог и начавшаяся разработка минеральных богатств явились именно теми фактами, которые стали привлекать сюда сельских хозяев, промышленников и рабочих из северных черноземных губерний. В Уфимской и Оренбургской губерниях, где эти условия сказались в гораздо более скромных размерах и куда только начинают заглядывать немцы-колонисты, земля за последние 10 лет поднялась на 100—200%. И в Екатеринославской губернии, если бы не было немецко-колонистов, нашлись бы скупщики из русских, подобные тем крупным владельцам в Самарской, Саратовской, Уфимской губерниях, которые имеют десятки тысяч десятин. При бедности крестьян, при неудовлетворительной организации крестьянского земельного банка и малых размерах его оборотов, скупщики различных национальностей и разрядов опередили бы крестьян в покупке этих земель. У этих русских скупщиков местные крестьяне могли бы быть или арендаторами, или рабочими. Как арендаторы, они через немного лет были бы вынуждены платить искусственно высокую арендную плату, вовсе не соответствующую производительности русского сельского труда.

В таком положении находятся крестьяне всей черноземной полосы. Это общеизвестно и не нуждается в доказательствах. Там, где крестьяне столкнулись бы лицом к лицу со скупщиками, самолично ведущими хозяйство, и были бы вынуждены работать по найму, они были бы поставлены хуже, нежели наемные рабочие у немцев-колонистов. Я не раз слышал на месте, что колонисты, относительно расплаты с рабочими, харчей и проч., не только не заслуживают нареканий, но должны были признаны хозяевами выгодными для сельских рабочих.

Упреки же по их адресу, что, будто бы, они истощают землю и, используя ее в одном месте, продают за безценок и передвигаются дальше для такой же хищнической работы, не заслуживают внимания. Кто делает упрек, тот рассуждает так: немец, купив десятину за 100 рублей, может через десяток лет продать ее и по 50, так как усиленное пользование почвой позволяет ему извлечь огромные доходы, далеко превышающие этот недобор. В ответ на

все это можно напомнить о жилых домах и хозяйственных постройках, которые воздвигают колонисты: все это строится прочно, капитально, с крупными затратами; все рассчитано на продолжительную связь поселенца с местностью, все рассчитано на желание закрепить эту связь в детях и внуках. Эти сооружения требуют таких расходов, что продажа земли с достройками за безценок, если бы это было частым явлением, в немного лет сделала бы колонистов нищими. Автор отрывка, который мы привели выше, должен был бы припомнить ухудшение внешней природы, обнаружившееся в северных черноземных губерниях, где нет колонистов: там, под влиянием неправильной постановки земледельческого труда, это ухудшение обнаружилось в гораздо более ярких формах, нежели в Екатеринославской губернии.

А обращение русских людей в штундизм? Есть штундисты—немцы, есть штундисты—русские. Разпросы на местах убедили меня, что есть случаи обращения в штунду православных, как со стороны русских, так со стороны немцев. На все эти факты вовсе не имеют значения, которое нередко приписывают им. Если бы в России были только одни сектанты-штундисты и если бы последние возросли в числе только по соседству с немецкими колониями, то можно было бы установить между этими явлениями постоянную и необходимую связь. Но Россия имеет множество сект и многие миллионы сектантов. Последователи разнообразных сект считаются сотнями тысяч и в тех губерниях, где русские поселения вовсе не соприкасаются с однородными элементами, а раз сектанты так многочисленны и штундисты занимают между ними только очень скромное место, то усиление сектанства и, в частности, штундизма нужно приписывать общим условиям народного быта, а не одному факту—числу иностранцев, занимающих данную губернию.

Столь же мало доказательно и обвинение немцев-колонистов во враждебных отношениях к русским и особенных политических тенденциях. Я не упускал случая спрашивать русских крестьян о немцах и получал благоприятные отзывы. Живя особыми замкнутыми группами в силу причин, которые я отметил, они не только не вызывают в окрестном населении враждебного чувства, но заслуживают его доверие.

К фактам избрания колонистов в волостные старшины со стороны крестьян, дошедшим до газет, и я приобщу такой факт: волостным старшиной Хорошевской волости, Павлоградского уезда, избран колонист немец из колонии Клейнфельд; земский начальник был очень доволен этим выбором. Если не заметно враждебных отношений между колонистами и окрестным населением, то нет основания говорить о каких-то германофильских политических влечениях. Мои личные наблюдения были не велики. Но, посетив больше 20 колоний, я имел бы случай видеть портреты Бисмарка, Мольтке, Вильгельма I, имел бы случай слышать похвалы по адресу Германии (а я всегда старался навести разговор на этот вопрос), подметил бы склонность к каким-либо, хотя бы самым наивным, комбинациям относительно политики, относительно возможности войны России с Германией, вероятного его исхода и проч. Старания сделать хотя бы самые скудные наблюдения в этом роде не привели ни к каким результатам. Со мной охотно говорили о земле, хлебе, урожаях, сбыте, жучке, машинах, возвышении земельных цен,— словом, о всем, что образует преобладающий интерес для этих людей и что, при их невысоком уровне развития, исключает всякие более сложные интересы, поддерживаемые только при большей любознательности, нежели в колониях.

Привыкнув к новому отечеству, эти люди готовы передвигаться дальше по его территории, готовы идти из Екатеринославской губернии в Полтавскую, Самарскую, Уфимскую, даже к Ташкенту, но отнюдь не назад, не в Германию. С Востоком связано представление о богатой природе, безлюдьи и просторе, а земельная теснота на Западе или памятна нынешним поселенцам, или знакома им со слов отцов. Но если они не пойдут назад, то не станут ли нам опасны в случае вторжения германских войск в пределы России? На это можно ответить двояко. Если, оставшись здесь, они будут урезываться в своих правах, терпеть невыгоды от излишней подозрительности и придиристичности русских людей, то встретят германских немцев, как добрых земляков. Если же колонисты сохраняют права, которыми пользуются доселе, то приростут к своему второму отечеству так, как они прирастают к северной Америке. Общий

язык не мешал англичанам и американцам вести правовые войны; общий язык не мешал австрийским немцам ожесточенно сражаться с немцами германскими, и у нас немецкий язык не помешает колонистам, чувствуя себя в России привольно, грудью отстаивать каждый вершок земли от германских войск.

В основании всех нападков на немецкое землевладение лежат эгоистические интересы. Ссылка на опасности, которыми немцы угрожают нашему государственному строю и православной церкви, сетования, что крестьяне, окруженные колонистами, не имеют возможности арендовать землю, являются тем *desogum`omъ*, за которым южно-русские помещики хотят скрыть свои личные расчеты. Истинное побуждение только одно: удалить немцев, которые, как сельские хозяева, являются неприятными, а иногда и опасными конкурентами. Нанимая рабочих, немец платит и может платить им дороже, нежели русские помещики. Колонисты встают в 4 часа утра, идут на сенокос или поля и сами работают косою впереди наемных косцов. Немудрено, если их труд более производителен, нежели у соседних помещиков, и если они могут платить рабочим дороже, нежели последние. Для больших хозяйств повышение заработной платы немцами может составить ежегодно несколько тысяч рублей, а потому помещики, сами ведущие хозяйство, насколько они руководствуются личными расчетами при оценке важных вопросов общественной жизни, относятся недоброжелательно к немцам-колонистам. Кто не ведет своего хозяйства и сдает землю в аренду или предполагает продать имение, тот считает немцев желанными соседями. Но первая группа привлекает на свою сторону и некоторых членов второй, утверждая с достаточным основанием, что если и будут приняты меры против дальнейшего роста немецкого землевладения, то через 2—3 года пробел будет пополнен, и продажные и наемные цены земли, временно поколебавшиеся, снова начнут возрастать. Екатеринбургская губерния представляет и для сельского хозяйства, и для горного дела, и (в виду изобилия каменного угля) для разных отраслей обрабатывающей промышленности так много привлекательного, что ее земля не будет пустовать. Вот соображения, которые руководят противниками немецкого землевладения на нашем юге.

...

Русское правительство может извлечь для себя поучительное указание и из истории немецких колоний в России, и из их современного положения. История выясняет причины, вследствие которых колонисты достигли довольно высокого благосостояния. Этими причинами служили и крупный земельный надел, и значительные льготы от разных финансовых тягостей, и широко развитое самоуправление, стоявшее вне вмешательства административной власти. Если бы русские крестьяне получили такие же условия общественной жизни, то они представляли бы нам зрелище, резко отличное от того, которое наблюдал каждый, знакомый с русскою деревней. Упущено много времени. Но, говоря словами Св. Писания, «блаженны пришедшие и в девятый час». Если теперь правительство в своих заботах о крестьянстве будет держаться тех начал, которые руководили ими при устройении колонистов,—крупный земельный надел, незначительные податные тягости и широкое свободное самоуправление—то через два-три десятилетия русские крестьяне будут иметь гораздо меньше оснований с завистью смотреть на колонистов. Напомним еще раз то, о чем мы говорили неоднократно, что Россия богата землею, что в ней найдется место для всех племен, входящих в ее состав; реформы же двух последних разрядов требуют только того гуманного истинно государственного направления в политике, которое знакомо русскому законодательству 60 годов.

С тем вместе мы охотно высказываемся за приобщение немцев-колонистов к русской цивилизации. Сохранив многие черты своей народности, колонисты являются в умственном отношении мало развитыми. Для них не существует Гёте и Шиллера; они стоят вне влияния лучших сторон германской культуры. В этом отношении они представляют лист белой бумаги, на котором русская школа и русская литература могут оставить неизгладимые следы. Русский язык уже изучается в школах немецких колоний. Народная школа, сложившаяся благодаря трудам нашего земства, стоит выше колонистской школы. Поэтому изучение в

школах колоний русского языка, развитие среди колонистов привычки к чтению, открытие им доступа к Пушкину, Гоголю, Крылову, Тургеневу—приобщат колонистов к лучшему достоянию, которое мы унаследовали от предков.

А. Исаев.